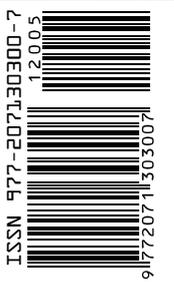

русский
пионер

№5(29) июль-август 2012

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Клятва главного редактора.

ortova

Стыдно, когда не видно.

Андрей Колесников

Клятва главного редактора стр. 4

первая четверть

*Урок уроков. Про дом, в котором живет Собчак. Стихи **Андрея Орлова** не только про дом, в котором живет Собчак стр. 14*

*Урок этики. Пану в пах. **Екатерина Истомина** про стыд и срам Олимпийского движения стр. 18*

*Урок правды. Проспавший. **Андрей Никитин** про то, как он проспал медведя стр. 22*

*Урок рисования. Стыдно ли Махе? **Алексей Морозов** о работе с обнаженной моделью стр. 26*

*Урок информатики. Про дона Педро. **Проститутка Кэт** о случае в торговом центре стр. 30*

вторая четверть

Пионер-герой. Корпорация «Смерть». Испепеляющая работа стр. 34

Следопыт. Ради радио. Наш корреспондент выяснил, кто изобрел радио стр. 40

третья четверть

Диктант. Постыжение. В тему номера стр. 50

Урок обществоведения. Тепленькая ишшо! Ритуал особого назначения стр. 52

Собеседование. Живу среди глухих заборов. Экспериментальный дворник в Рязани стр. 58

The Residence

ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПОЛОЖЕНИЯ

Самые роскошные пентхаусы мира

традиционно служат олицетворением высшего пика жизненного успеха.

Действительно – где как не на собственной крыше можно в полной мере насладиться чувством, что весь мир лежит у Ваших ног?

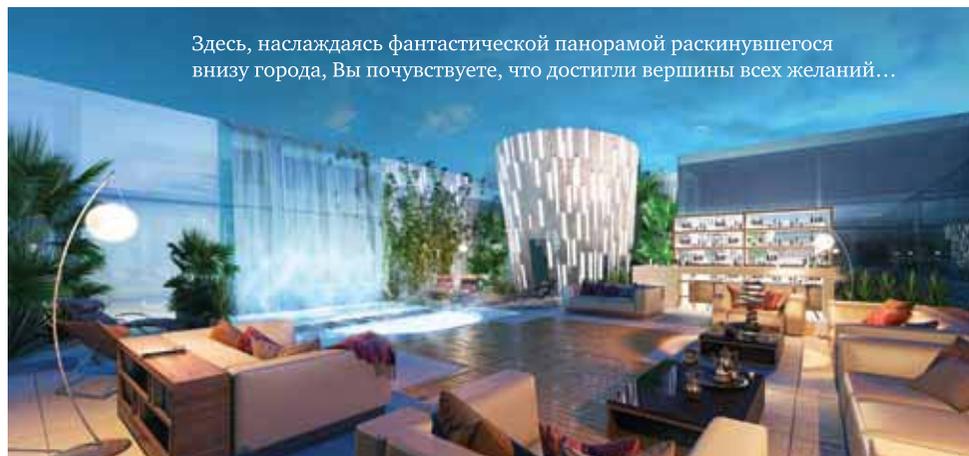

Но так же как среди бриллиантов выделяется знаменитый Excelsior, среди пентхаусов встречаются эксклюзивные, поражающие воображение образцы. The Residence, занимающий 50 и 51 этажи знаменитого небоскреба «Дом на Мосфильмовской», безусловно является именно такой драгоценностью. По сути это роскошный особняк площадью 2000 кв. м, вознесенный на высоту 200 метров.

Представьте себя на месте будущего владельца. Из отдельного паркинга на 8 машиномест персональный лифт поднимает Вас прямо в холл пентхауса. Огромное пространство, оформленное по авторскому дизайн-проекту, вмещает в себя все опции, которые Вы мечтали бы видеть в идеальном доме. Здесь легко можно организовать и респектабельную деловую зону, и великолепный салон для приема гостей, выделить приватную территорию со спальнями и будуарами, устроить чудесную игровую для детей, библиотеку, винное хранилище, домашний кинотеатр – в общем, воплотить любую свою идею. А 300-метровая крыша The Residence с встроенным бассейном может стать площадкой для самых грандиозных вечеринок под открытым небом – или уютной территорией отдыха с собственным мини-парком.

ДОНСТРОЙ

Ваш персональный менеджер по проекту The Residence Анна
Коробкова: 210 01 01

Здесь, наслаждаясь фантастической панорамой раскинувшегося внизу города, Вы почувствуете, что достигли вершины всех желаний...

Дневник наблюдений. Дежавю в Маске.

Смертельные серпантины и неправильные попутчики *стр. 66*

Урок поэзии. Поэту стало очевидно: писать про стыд довольно стыдно...

Стихи **Андрея Орлова** *стр. 72*

Сочинение. Влиться в коллектив. Рассказ
Алексея Козлачкова в тему номера *стр. 76*

четвертая четверть

Урок мужества. Республика Ночь. Беспросветный дауншифтинг обозревателя «РП» *стр. 86*

Урок географии. Москва или москвичи.

Корреспондент «РП» в американской глубинке *стр. 90*

Рассказ продолжается. Обнаженная натура. Олег Павлов *стр. 98*

Фотоувеличитель. Пицца. Фототворчество наших читателей *стр. 105*

группа продленного дня

Правофланговая. Ты меня помнишь?

Ирина Апексимова про коммуникативную нестыковку *стр. 116*

Запевала. Стыдоба! **Арина Шарапова**

с одой радости *стр. 118*

Пионервожатая. Тайнственные

уравнения любви. **Софико Шеварднадзе**

про то, когда и за что ей было стыдно *стр. 120*

Отличница. Не стыдно! **Светлана**

Бондарчук про «болезненную» эмоцию *стр. 122*

Центровой. Низколиквидный стыд.

Алексей Голубович про формулу Иванова *стр. 124*

Пионервожатый. Лазенки. **Виктор**

Ерофеев про гондолы и павлинов *стр. 128*

Подшефная. Им это может понравиться.

Лера Тихонова про большое сквозь призму малого

стр. 132

Звеньевая. Двое. **Анна Николаева**

про запретную любовь *стр. 136*

Горнист. Некуда идти. **Вита Буйвид**

про неразлучность алкоголя и стыда *стр. 138*

*Внеклассное чтение. Машинка и Велик,
или Упрощение Дублина. Окончание викиромана
Натана Дубовицкого* *стр. 142*

Табель. Отдел писем *стр. 154*

*Урок правды шеф-редактора. Подведение
ИТОГОВ* *стр. 159*

Всегда готов!

Первая четверть.

Урок уроков. Про дом, в котором живет Собчак. Стихи **Андрея Орлова** не только про дом, в котором живет Собчак. *Урок этики.* Пану В пах. **Екатерина Истомина** про стыд и срам Олимпийского движения. *Урок правды.* Проспавший. **Андрей Никитин** про то, как он проспал медведя. *Урок рисования.* Стыдно ли Махе? **Алексей Морозов** о работе с обнаженной моделью. *Урок информатики.* Про Дона Педро. **Проститутка Кэт** о случае в торговом центре.

Про дом, в котором живет Собчак

→ текст: орлуша

На праздновании четырехлетия «РП» произошло событие: **Андрей Орлов** впервые прочитал стихи, посвященные Ксении Собчак, ведущей праздника. В том, что поэт посвящает стихи даме, вроде бы нет ничего экстраординарного. Однако тут другой случай. Не до лирики. «Дом, в котором живет Собчак».

Вот дом, в котором живет Собчак.

А это — камин, или проще, очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — Собчак,
Та, для которой уют и очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — кровать,
В которой порой умудряется спать
Собчак, чей домашний уют и очаг
В доме, в котором живет Собчак.

Вот — комната-спальня,
Которая знает ужасные тайны,
Которые терпит порою кровать,
В которой не часто приходится спать
Хозяйке, которую греет очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — огромнейший шкаф бельевой,
В который могла бы залезть с головой
Хозяйка уютненькой девичьей спальни,
Чьи связи порою бывали случайны,
Но к ним все равно до фига интереса,
Еще о них пишет бульварная пресса,
Вмонтировав камеру тайно в кровать,
Напротив которой пылает очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — трусы и другое бельишко,
Они, прямо скажем, скромны, но не слишком,
Их телеведущая носит на теле,
Они помещаются все еле-еле
В огромном шкафу, украшении спальни,
В которой устроено все гениально,
Там есть даже бар и уютный очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — внушительный сейф под замком,
И надо законченным быть мудаком,
Чтоб думать, что в нем запирают трусы,
Бутылку «шато» и кусок колбасы,
Подумать так могут лишь только невежды,
Но спрятан он в шкаф, где хранятся одежды,
В углу замечательной девичьей спальни,
Чьи тайны не только для исповедальни,
Ведь помнит стоящая рядом кровать,
Что кое-кому удалось побывать
Там, где не любому растопят очаг
В доме, в котором живет Собчак.

А это — конвертов огромная кипа,
Они там лежат «заработала, типа»,
В конвертах лежит в основном — позитив
От лажи с названием «корпоратив».
И евро, и доллар, и прочих валют
Купюры надежно упрятаны тут,
На них покупаются, кстати, трусы
Для полу-прикрытия женской красоты
Хозяйки огромного шкаф-гардероба,
Той, что мечтают лелеять до гроба
Уроды различные, вовки и кольки,
Едва лишь добравшись до девичьей койки,
Которую мы называем кроватью,
Где сном своим утренним нежится, кстати,
Дрова подложив, чтоб не гаснул очаг...
А кто это? Ну-ка, дружок, угадай-ка!
Та девушка, что называют хозяйкой
Дома, в котором живет Собчак!

В Москве поутру — благодать, тишина,
Спокойствие не предвещает говна,
Столица, устав, безмятежно сопит...
Но кто же? Но кто в это утро не спит?
Все спят, и котята, и тещи, и дети,
Не спят только в следственном-блядь-комитете!
Вот — стук раздается внезапнейший в дверь.
Ты думаешь, гости? Пойди и проверь!
Поди, не открой им, покажется жарко,
У них же всегда наготове «болгарка»,
Не в смысле, из братской страны проститутка,
А суперпила, и подумать-то жутко!
Вот — ордер на обыск, красивый и строгий,
Один его вид ошарашил бы многих,
Ведь в нем говорится, что в жизни бывает,
Фактически люди не там проживают,
Где мама и папа, где спрятаны бабки,
А там, где чужие с помпонами тапки!
И что же, таких, извините, ласкать?
А х...й-то! Искать их, мерзавцев, искать!
Искать повсеместно уродов нахальных —
Немцовых-Х...йцовых и прочих Навальных!
Да что там Навальных?! Да что там Немцовых?!
Ведь есть до хрена и других Удальцовых,
Которые в образе белых гондонов
Страну поднимают на «Марш миллионов».
И это — совсем не хи-хи и ха-ха...

...Но мы про...бали тут форму стиха,
Которую задал Маршак-весельчак
Про дом, в котором живет Собчак,
А мы, как поэты, размер уважаем,
Поэтому всё, собрались, продолжаем:

Вот два мудака,
Чья в дверь поутру постучала рука,
Которая ордер, вспотевши, держала,
Им Ксения даже сперва возражала,
Прося над собой в ранний час не глумиться,
С вопросом: «Куда вы решили вломиться?»
А ей помогал в разговорах, бесстрашен,
В трусах, но красивый и пламенный Яшин,
Который при этом ужасно зевал,
И как бы фактически тут проживал,
И как бы являлся публичной offerтой
На то, что неплохо проверить конверты,
В которых хранится, похоже, бабло,
Которое дали на разное зло
Ужасные люди из злого Госдепа
Хозяйке притона-малины-вертепа,
Которой на честь и на совесть плевать,
А только бы хаять и митинговать,
А после плестись по Москве воровато
На конспиративную тайную хату,
Где для маскировки устроен очаг
В доме, в котором живет Собчак.

Вот — ужас такой, что бледнеет строка:
Ушли наконец-то те два мудака,
Которые долго копались в квартире,
Вообще, если честно, их было четыре,
А может быть, было их пять или семь,
Жилище узнать невозможно совсем,
В котором свой обыск они проводили,
В котором грязюкой они наследили,
В котором картины со стен они сняли,
При этом носками весь дом провоняли.
И, кстати, веселый из тех мудаков
Хозяйке сказал, что искать мужиков
Ей нужно, бедняжке, не на Болотной,
А между их шайки, мерзотной и рвотной,
В которой полно удалых офицеров
И нет дураков-оппозиционеров.
Потом, почесав у себя в волосах,
Он крикнул: «Давайте поищем в трусах!»
И кинулся, нервно тряся головой,
В огромный, вместительный шкаф бельевой.
Он носом водил, как крутой сомелье,
Копаясь в девчачьем ажурном белье,
А после с какой-то изысканной статью
Он скрылся с трудом под огромной кроватью
И вылез, довольный, с добычей: под ней
Сидел папарацци журнала «Семь дней»...
Нашли, что искали? Пожалуй, что хер-то.
Изъяли, конечно, немного конвертов,
Попортили нервов хозяйке жилья,

Уборки теперь предстоит до ...уя,
Ведь после ублюдков, что трогали что-то,
То «что-то» совсем надевать не охота,
Ведь все дорогие и милые штучки
Потрогали потные, скользкие ручки,
По книжкам, где рифмы и детские сказки,
Усердно порыскали гадкие глазки,
Спасибо еще, не насали в очаг
В доме, в котором живет Собчак!

А это — Россия, большая страна,
Которая съела немало говна
Из рук как-то странненько выбранной власти,
Которая пилит бюджеты на части,
Которые после сливают в офшоры,
В которых скопились из золота горы,
Которых вовек не увидит народ,
Чьи бабки в Бураново вьют хоровод,
Которому хлопают, плача, Европа,
При этом в Бураново с бабками — ж...а,
Которая даже поглубже в глубинке,
Не в той, где джигиты резвятся в лезгинке,
А в прочей стране от Орла до Дудинки,
Не знают достатка ни Вятка, ни Псков,
Но денег как грязи у силовиков,
Которые ловят врагов и шпионов
И тех, кто приходит на «Марш миллионеров»,
Чьи лидеры скрытны довольно бывают,
«Фактически» хрен знает где проживают,
Нередко берлогой им служит квартира,
В которой два теплых уютных сортира,
В которых стоят за миллион унитаза,
На крышках которых сваровские стразы,
А в сейфах, трусами прикрытых нелепо,
Лежат миллионы от дяди Госдепа,
Как злой оппозиции гнусный общак
В доме, в котором живет Собчак.

Читатель, а ты не подумал о том,
Что следующим будет не Ксении дом,
Не дача Навального и Удальцова,
Не тайное логово Бори Немцова,
Не яшинской мамы с листовками склад,
А просто любая квартирка подряд!
От Калининграда до Владивостока.
К любому придут и обыщут жестоко,
Ведь каждый — и взрослый, и малые дети —
Возможный чему-то предатель-свидетель,
У каждого можно улики найти,
Лишь нужно чуть-чуть по углам поскрести,
В белье покопаться, написать в очаг,
Как в доме, в котором живет Собчак.

orfova

Пану в пах

текст: екатерина истомина рисунок: анна каулина

Регулярный колумнист «РП», обозреватель «Ъ» **Екатерина Истомина** доселе не синхронизировала темы своих колонок с темой номера. Но на этот раз получилось в самую точку: про стыд и срам. Да еще какой — с олимпийским подтекстом.

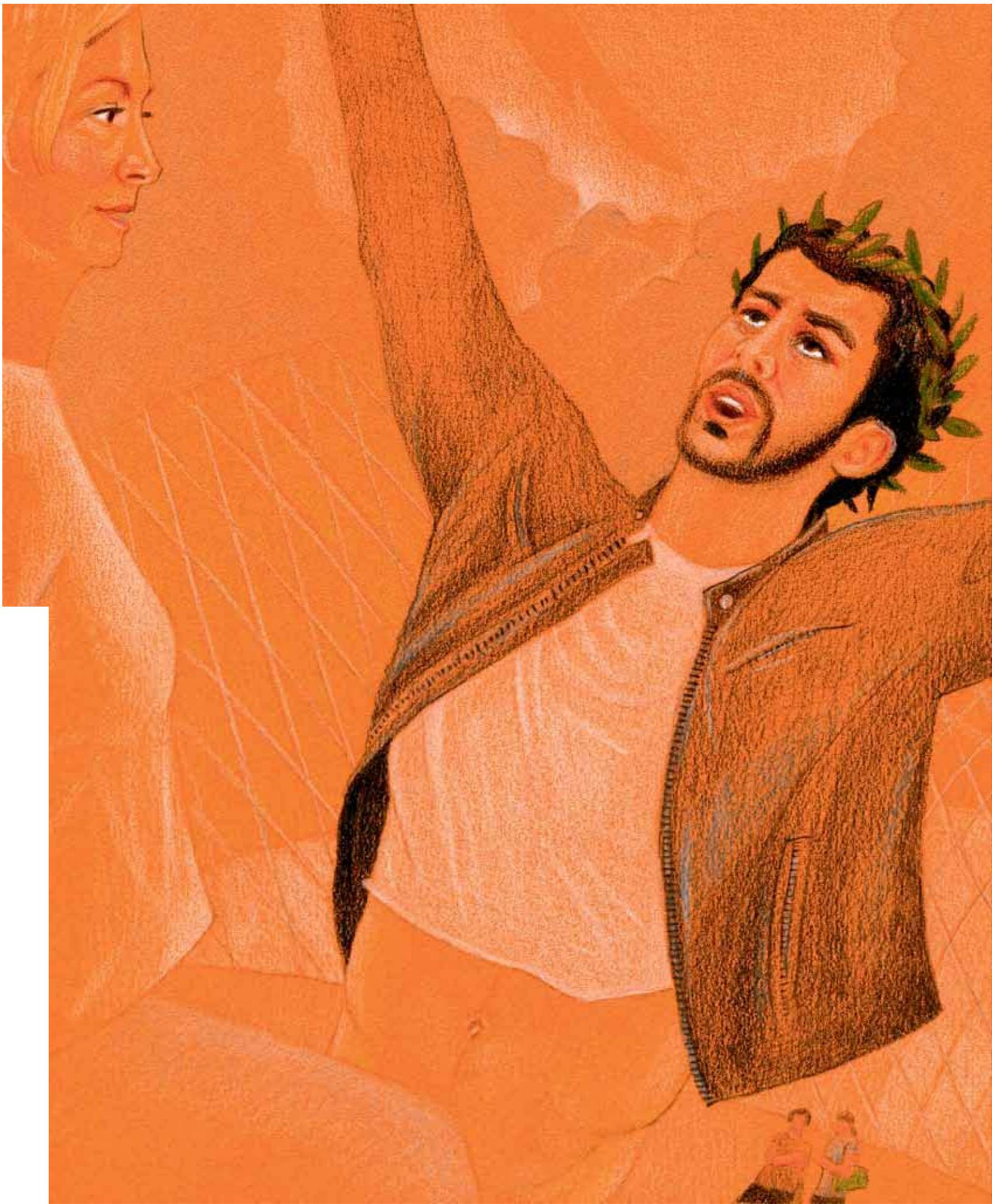
Я паразитный человек, который в одиночку, страстно, отчаянно противостоит всему международному Олимпийскому движению. Однажды я встала с пикетом напротив штаб-квартиры МОК в Лозанне. Это было в разгар Ванкувера, и мой пикет заметили мельчайшие служащие отеля Beau-Rivage, вызвавшие полицию.

Игры в Ванкувере были истинной случкой богов-олимпийцев со смертью. Довольно вспомнить многомиллионное открытие Игр с базарными канатными плясунами, которые драли сто огненных шкур всего в десяти тысячах километров от трупов на Гаити. Землетрясение на «острове Коррупции» ведь случилось всего за неделю до Олимпиады. Но только я, CNN и Herald Tribune International отметили этот странный акт презрения к гуманизму. Моя неприязнь к кооперативному спортивному движению, основанному маркизом донем Хуаном де Самаранчем, большим другом Советского Союза и кавалером российского ордена Дружбы народов (1994), ковалась не только в идеологической, но и в подчас опаснейшей физиологической борьбе. Иногда — в борьбе полов. Так, за три недели до

Олимпийских игр в Афинах, известной колыбели европейской цивилизации, я обезоружила одного могучего олимпийца. Это был кудрявый козлоногий бог Пан, записавшийся в профессиональную плавательную секцию. Пан в черной кожаной куртке резвился на солнышке в самом капище олимпийского движения — прямо напротив ворот стадиона, где барон Пьер де Кубертен (больше заурядных женских задниц любивший мужские стройные тела) затеял свои первые игрища. Пан ритмично скакал по улице положенным ему по ранжиру козлом, солидно, со значени-ем, приспустив штаны до колен.

В штанах бога Пана болталось то, чему и предписано болтаться благодатной улыбчивой природой, и героические афинские леди (не самаритянки, нет) смущенно опускали глаза, дислоцируясь по возможности на другой стороне жаркого олимпийского проспекта.

Автор этого диковинного спортивного репортажа (в размышлениях о суровой судьбе правительства Перикла) не сразу сообразила — на какой олимпийский рекорд нацелился оригинальный господин.

А господин, с ветерком помахивая огненным, краснощеким орудием, довольно скоро и сам заявил о своем скорейшем финише — на новогреческом языке. Через три минуты он перешел на английский. Этот островной диалект в ходу в Греции еще со времен романтического павиана, лорда Байрона, который отличался интересной (в руках одиноких опытных дам) хромоногостью.

«Смотри быстро сюда, сука!» — протрубил Пан и театрально скинул турецкие брючки на асфальт. Корсар, тоже мне, нашелся.

«Слышишь ты, му...к. Убери свой «першинг» из Европы», — по-товарищески заметила я. В конце концов, ему, быть может, самый строгий Зевс пронзил голову лучами. Оливковая ветвь девственной богини Артемиды коварно прикрыла его небольшие мозги. Или он неоднозначных пьес Аристофана перед обедом читался.

Ответ эксгибициониста был крайне неожиданным: «Куда?!» — «Коту под муда!» Наследник безгрешных богов-олимпийцев, потомок Демосфена (современные греки активно паразитируют на древних) в последнем ужасе схватил меня за маленькую шкуру. Его краснощекое орудие таяло у меня на глазах. Этот оглушительный, расписной плотский цветок ириса прощался со всеми нами. Чернели на земле эти бедные штанишки. Ой, и неловко, черт подери. Что говорить потом его жене? Виват, король, виват?

А ноги у меня ведь очень крепкие. Нога моя вертела фузте на сцене Московского академического хореографического училища при Большом театре СССР. В пах я бью без промаха и без одышки. Гол!

На олимпийские крики и вопли подъехала полиция. Офицеры зарегистрировали факт драки, и мы тут же помчались в участок.

И вот я даю им пояснения: «Господин офицер! Я вышагиваю, чтобы поклониться мускулистой памяти барона де Кубертена, чтобы после выпить за его олимпийское здоровье, хотя я понимаю, что оно барону больше не пригодится. А мне навстречу движутся шовинизм и половое насилие».

Меня примкнули наручниками к решетке — до выяснения обстоятельств криминального события.

Бог Пан (тоже в наручниках) сидел рядом. Вид у него был благодарный и просветленный. Именно так смотрит в потрясенный зрительский зал взмыленный первый скрипач, только что с грехом пополам отбарабанивший «Рапсодию на тему Паганини». Штанишки половому Паганини подтянули офицеры.

Афинская полиция установила, что бог Пан, промышлявший публичным развратом в центре города, состоит в греческой плавательной секции. Эта державная секция поставляет людей-амфибий к деликатесному олимпийскому столу. И даже он, дескать, самый водоплавающий сейчас из всех современных греков. Что он есть спасательный круг греческой сборной и ее центральная морская звезда. Он есть важный для государства кусок олимпийского г...на, которое не потонет на предстоящих судьбоносных состязаниях. То есть оно обязательно потонет, если я не заберу сейчас заявление и не прекращу названивать в посольство РФ в Греции (а там всегда обед или дипкорпус на экскурсии по Акрополю с родственниками — я не знаю, кстати).

Полицейский офицер, черная, небритая сухопутная гиена, уверял меня: «Мы принесем вам здесь и сейчас сожаления и извинения от лица греческих властей. Но этот наш господин... Его нельзя задержать. У него — промежуточный заплыв баттерфляй через три дня. Его ждут в городском олимпийском бассейне!» Меня даже отстегнули от решетки и принесли кофе. Я просила кофе по-турецки. Греки молча сообразили и сделали вид, что не поняли.

Наконец-то я, ничтожный старший преподаватель кафедры истории зарубежного театра ГИТИСа, я, лихой дипломированный прыщ на челе классической науки, держала за самые яйца все олимпийское движение! Свирепая праведная лира сама вдруг выросла в моих руках и немедленно увилась победоносным золотым плющом. Сейчас я устрою вам кровавые Дионисии вместе с Элевсинскими мистериями, о вы, слепые хористы маркиза де Самаранча.

Но как вдруг несчастный бог Пан тоненько, как тобольский монашек, запел в своей кроткой темнице, и в его руках не было

скромной свирели, а были только наручники. Он пел так, как могут петь только на пыльном европейском юге, чуть отличимом от противоположной Африки. Наверное, птицы поворачивали к нему головы, а зеленые маслины превращались в античное крембрюле. От его песни будуарная богиня Ника выбрасывала крылья, а Венера Милосская, знаменитая аккуратным бюстом, — новые руки.

По античному театру я была отличницей. «Эсхил-Софокл-Еврипид» — эта могучая кучка много лет была мне бабушкой, дедушкой и зарплатной сберкнижкой в «Сбербанке» в отделении на Суворовском бульваре. И мне никак нельзя было не узнать в песне заключительных слов из «Царя Эдипа» Софокла, этой первой античной трагедии с «человеческим лицом»:

«Вот, глядите — вот Эдип, Он, загадки разгадавший, он, прославленный царь;

Кто судьбе его из граждан не завидовал тогда?

А теперь он в бездну горя ввергнут тою же судьбой.

Жди же, смертный, в каждой жизни завершающего дня;

Не считай счастливым мужа под улыбкой божества

Раньше, чем стопой безбольной рubeжа коснется он»*.

Кажется, что древний театр забыт, брошен, превращен в руины, полезные таким сумасшедшим, как я? Кажется, что все, что осталось от античности, это есть современные Олимпийские игры? Наш полицейский участок на пару часов превратился в медленное полукружие античной сцены. Мелькали трагические маски, топали котурны, перешептывались тоги. Феллини мог бы снимать кино.

То была беспечная, доверчивая, глупая, детская Греция, ввязывавшаяся в страшную олимпийскую авантюру, за которую платит до сих пор. Освобожденный мной из афинской полиции шаловливый бог Пан потом пошел где-то ко дну на предварительных заплывах. И стопой безбольной того завершающего дня навсегда коснулся он.

* Цит. по Софокл, «Царь Эдип», Софокл, «Драмы». В переводе Ф.Ф. Зелинского, под редакцией М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо, Москва, «Наука», серия «Литературные памятники», 1990, с.127

ксения жихарева

Проспавший

текст: андрей никитин рисунки: анна всевятская

Глава Агентства стратегических инициатив (АСИ) Андрей Никитин признается в самом стыдном. Не в том, как заснул, например, на заседании экспертного совета АСИ, а в гораздо более стыдном: проспал медведя. Мучается до сих пор. Зато медведь до сих пор не отмучился.

Я до сих пор вспоминаю это разухабистое и какое-то суетное лето, которое все никак не могло закончиться. Бесконечные встречи, совещания, переговоры, стояние в пробках съедали мой день, заставляя приходить домой глубоко за полночь и от усталости валиться на кровать без сил.

В воздухе, вместе с московской липкой жарой, висел вопрос, читающийся в лицах всех без исключения бизнесменов и менеджеров.

«А будет ли кризис?» — спрашивали они друг друга без слов.

«Авось пронесет», — молча отвечали другие. И хотя ежедневный набор делового читива пестрил статьями об «островке стабильности» и о большой денежной подушке, признаюсь, нам с партнерами, недавно начавшими управлять предприятием с тысячным коллективом в Твери, было совсем не до шуток.

Так бывает — лето, небо закрыто мощными грозовыми тучами, а на улице тепло, становится тихо, легкий ветерок сменяется порывами, прохожие стараются идти скорей. Секунды отделяют вас от ливня, его еще нет, а раскаты грома уже подбираются к вам все ближе и ближе, пока, наконец, с неба не начинается

капля за каплей литься вода, моментально превращая улицы в ручьи.

В этом моменте, на мой взгляд, всегда есть какая-то магия.

Так и в экономике — ливень еще не начался, а черные тучи подобрались уже слишком близко, чтобы их игнорировать.

Наконец дождь пролился, ливнем смыв последние ресурсно-розовые надежды руководства страны, закручивая в вихре событий компании, людей, мечты и планы на ипотеку, скорое счастье и удвоение ВВП.

Мне в этот момент пришлось ехать на завод, наводить порядок и сокращать косты. В конце лета стало понятно, что «это надолго» и надо настраиваться на непростой год. И есть четыре дня, чтобы поехать на охоту.

К моменту, когда я собрался, все мои друзья, записавшиеся в охотники, успели тихо отказаться от поездки.

Два часа полета до Югорска прошли быстро и после закупки провианта в ларьке с вывеской «Маркет» мы отправились на «буханке» в направлении славного города Пелым.

И вот вещи погружены в моторную лодку, ружья заряжены, отплываем от пристани

